

РЕДУКЦИЯ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ ЭТИКЕТНОЙ ФОРМУЛЫ В ЭПИСТОЛЯРНОМ ТЕКСТЕ

Розглянуто комунікативно-прагматичні умови редукції заключної формули етикету в епістолярному тексті. Показано, що відсутність заключної етикетної формули листа буває детермінованою такими факторами: надзвичайно високий соціальний статус адресанта, високий ступінь офіційності або інтимності спілкування, невизначеність адресата, емоційний стан адресанта під час написання листа.

Ключові слова: лист, епістолярний текст, етикетна формула, адресант, адресат, комунікативна дистанція.

Рассмотрены коммуникативно-прагматические условия редукции заключительной формулы этикета в эпистолярном тексте. Показано, что отсутствие заключительной этикетной формулы письма бывает детерминировано следующими факторами: исключительно высокий социальный статус адресанта, высокая степень официальности или интимности общения, неопределённость адресата, эмоциональное состояние адресанта в момент написания письма.

Ключевые слова: письмо, эпистолярный текст, этикетная формула, адресант, адресат, коммуникативная дистанция.

The article deals with the communicative and pragmatic factors of the reduction of the final etiquette formula in an epistolary text. It is shown that the absence of the final etiquette formula is related to such terms of writing communication as an addresser's exceptionally high social status, a high degree of officiality or intimacy of intercourse, vagueness of an addressee, an addresser's emotional state at the time of writing the letter.

Keywords: letter, epistolary text, final etiquette formula, addresser, addressee, communicative distance.

Практика речевого общения людей за многие века выработала разнообразные коды, формы и средства коммуникации, а в отдельных сферах человеческой деятельности коммуникативный процесс подвергся достаточно жёсткой регламентации. Но даже в таких областях, как, например, непринуждённое бытовое общение, предоставляющее человеку наибольшую, казалось бы, свободу в выборе языковых и паралингвистических средств, некоторые фазы этого процесса регулируются конвенциями, то есть «неписаными, но ясно сознаваемыми социализированной личностью нормативными типами и моделями речевого поведения» [5, с. 101], и в первую очередь это касается начала и окончания акта коммуникации. В письме, которое является графическим субститутутом устного сообщения [6], этикетной ритуализации подверглись вводная и заключительная части, оформляющие «вхождение» коммуникантов в ситуацию общения и «выход» из неё, что выражается в выработке общепринятых способов обращения и подписи, обозначения места и времени коммуникации, а также в использовании особых эпистолярных формул: *С уважением...*, *Преданный Вам...*, *Всегда Ваш...*, *Прощай(те)*, *Жму руку* и т. п. Эти и другие подобные выражения, в известной мере клишированные, но допускающие и широкие возможности варьирования лексических и грамматических средств, обычно предшествуют подписи и завершают текст письма, однако могут подвергаться редукции вместе с подписью или без неё. **Це-**

лью данной работы является выяснение тех коммуникативно-прагматических условий, которые делают такую редукцию возможной или даже необходимой.

Значительная часть рассмотренных нами писем, принадлежащих самым разным корреспондентам и репрезентирующих эпистолярное общение достаточно большого временного периода XVIII–XX вв., заключительную этикетную формулу содержит. Структурная значимость этого компонента эпистолярного текста, сигнализирующего завершение текстового общения, обычно подчёркивается графически – вынесением его в отдельную строку или абзац. Заключительная формула письма является этикетным знаком, реализующим основные функции ритуалов, выделенные К. Лоренцом и описанные Н. И. Формановской применительно к этикетному речевому поведению [15, с. 183]: снятие агрессии, обозначение «своих» и отторжение «чужих». Первая из этих функций проявляется в том, что заключительная формула часто демонстрирует (иногда даже в гиперболизированном виде) приятное, доброжелательное отношение автора письма к адресату, провоцируя его изъяснить ответные чувства и запуская механизм психологической проекции таким, например, образом: *В прочем, прося вашего родительского благословения и желая усерднейше вашего любезного здравия, остаюсь навсегда с глубочайшим почтением, милостивый государь батюшка, ваш нижайший слуга и сын Михайло Муравьев* [9, с. 263]. Эту же функцию выполняют перформативы типа *Обнимаю, Целую, Жму руку*. Вторую и третью функции заключительные формулы письма совмещают, так или иначе регулируя коммуникативную дистанцию между адресантом и адресатом. Аналогично выбору форм Ты- или Вы-общения предваряющее подпись адресатное местоимение *Твой* или *Ваш* маркирует более или менее близкие отношения между коммуникантами. Экстраполируя на письменную коммуникацию известные идеи Эдварда Холла о существовании территориальных зон общения (интимной, личной, социальной, публичной), можно сказать, что подписью типа *Твой Сашуня* автор письма помещает себя в интимную зону общения адресата; ещё больше сократить дистанцию позволяет расширение адресатного местоимения: *Твой навсегда...* или *Всегда твой...*; а вот выбор формы *Ваш* в сочетании с онимом: *Ваш Саша* или *Ваш А. Иванов* – увеличивает предполагаемое расстояние между участниками общения до личной дистанции. Ещё более отдаляет адресанта подпись, сопровождаемая соответствующим социальной дистанции между людьми этикетным *С уважением...* или *Уважающий Вас...* и т. п. И если этикетные формулы первого типа реализуют стратегии «позитивной вежливости», направленной на сближение с адресатом, то формулы второго типа, скорее, предназначены для того, чтобы удержать адресата на некотором расстоянии, в русле стратегии «негативной вежливости», или вежливости дистанцирования [3]. Таким образом, в условиях дистантного общения заключительная формула письма вербализует ситуативно значимую информацию, которая при непосредственном общении передаётся большей частью неязыковыми средствами.

Релевантность экспликации коммуникативной дистанции при межличностном общении снижается в тех случаях, когда исключительно высокий социальный статус адресанта делает невозможным сколько-нибудь осязаемое сближение с ним, а вместе с тем и заключительная этикетная формула письма становится функционально избыточной. Она регулярно подвергается редукции в письмах Петра I своим подданным, сколь бы ни был высок статус адресата (князю В. В. Долгорукому [8, с. 5, 14, 37], генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину [8, с. 6, 16, 25, 49], царевичу Алексею Петровичу [8, с. 15, 20, 39], графу Б. П. Шереметеву [8, с. 17, 22, 23, 28, 141], князю А. Д. Меншикову [8, с. 17, 34, 52], князю Ф. Ю. Ромодановскому [8, с. 22, 48], князю М. П. Гагарину [8, с. 34, 57] и многим

другим). Исключение составляют межгосударственные контакты, когда субъектность адресатов Петра I повышается в силу того, что они представляют суверенное государство, и Пётр обращается к ним как к потенциальным союзникам. Письмо коронному великому гетману Адаму-Николаю Сенявскому Пётр завершает следующим образом: *В чем, вашу милость обнадежа, пребывая при сем к вам всегда в приязни нашей склонный Петр* [8, с. 44]; письмо князю Франциску Леопольду Ракочи: *И пребываем при сем светлости ваша склонный приятель П(етр)* [8, с. 47]; письмо герцогу Брауншвейг-Люнебургскому Антону-Ульриху: *Пребываю при желании всякого саможелаемого благополучия вашей высококнязей светлости дружесбно охотный Петр* [8, с. 142].

Редукция заключительной этикетной формулы, обусловленная высоким социальным статусом адресанта, реализует вежливость дистанцирования и отмечается при такой форме организации общества, когда роль социальной иерархии в отношениях людей ничем не вуалируется, а место каждого на сословно-иерархической лестнице достаточно чётко обозначено. В условиях демократизации общественной жизни и такой системы ценностных координат, когда декларируется приоритет идеалов свободы и равенства, даже исключительные властные полномочия зачастую маскируются принятыми в обществе фигурами речи, и многие письма, например, И. В. Сталина, заканчиваются оборотом *С комм[унистическим] приветом. И. Сталин* [11, с. 74] или вполне обычной деидеологизированной формулой в письмах К. Е. Ворошилову: *Ну, до скорого свидания. Привет. Твой И. Сталин* [11, с. 161], *Жму руку. Твой Сталин* [11, с. 163], *Ну, всего. Привет! Твой И. Сталин* [11, с. 175]. Использование таких формул, эксплицирующих сокращение коммуникативной дистанции, имеет место в тех случаях, когда степень близости в личных отношениях позволяет игнорировать неравенство социального статуса. То же самое наблюдается и в письмах Екатерины II Г. А. Потемкину, которые она нередко заканчивает формулой прощания типа: *Прощай, мой друг, да будет тебе сам Бог помощник. Будь здоров, щастлив и благополучен* [2, с. 354]. Естественно, что инициатива подобного сближения принадлежит обычно лицу с более высоким статусом; его корреспондент будет более строго придерживаться требований этикета, и в то же самое время Потёмкин заканчивает своё письмо Екатерине II речевым оборотом, в значительно большей мере соответствующим общепринятым конвенциям при обращении к первому лицу в государстве: *Простите, матушка Государыня, я по смерть Ваш вернейший и благодарнейший подданный Князь Потемкин Таврический* [2, с. 353].

Интересно, что стремление сохранить дистанцию в общении бывает свойственно и участнику коммуникации, занимающему низшую ступень в социальной иерархии, чем его адресат. Известно несколько писем М. А. Булгакова, в которых он обращался к И. В. Сталину с различными просьбами: разрешить ему выехать за границу, смягчить участь драматурга Н. Р. Эрдмана и т. п. Положение опального литератора, каким был в это время Булгаков, и Генерального секретаря ЦК ВКП(б), который в 1930-е годы уже сосредоточил в своих руках власть в огромной стране, несопоставимо. Начав письмо вполне стандартным и нейтрально-вежливым *Многоуважаемый Иосиф Виссарионович!* или *Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович*, можно ли завершить текст чем-нибудь столь же стандартным типа: *С уважением Булгаков?* Любые изъявления уважения и преданности могут быть интерпретированы как попытка лести, отказ от своих этических и творческих принципов. И М. Булгаков каждый раз заканчивает свои письма только подписью, без каких бы то ни было этикетных знаков [1, с. 309, 439, 607].

Наличие или отсутствие в эпистолярном тексте заключительной этикетной формулы связано также со степенью официальности общения, а следовательно, и

с содержанием и стилистическими характеристиками письменного документа. Авторы одного из современных пособий по ведению деловой переписки, рекомендуя придерживаться нейтрального тона, сухости и строгости в изложении, предостерегают от увлечения чрезмерной вежливостью [4, с. 29]. В другом пособии отмечается, что «заключительная формула вежливости может отсутствовать в официальных письмах, но почти всегда «подытоживает» письма, текст которых носит отчасти личный характер (например, письмо-благодарность)» [10, с. 37], приглушая официальный тон в конце послания. Таким образом, даже в пределах деловой переписки эпистолярные тексты отличаются мерой официальности, с чем связано, в частности, противопоставление служебных писем, т. е. писем государственных организаций, предприятий и учреждений, и деловых писем – писем негосударственных организаций, предприятий и учреждений [10, с. 11]. Превалирование личных или деловых отношений выражается и в характере адресации письма, в том, обращено оно к конкретному человеку, группе людей или неперсонифицированной организации или учреждению. В последнем случае заключительная этикетная формула, как правило, отсутствует, и соответствующие примеры можно наблюдать в письмах В. К. Третьяковского в Канцелярию Академии наук [9, с. 58, 60, 61] и в Канцелярию Морского шляхетного кадетского корпуса [9, с. 61], в письмах А. П. Сумарокова в Канцелярию Академии наук [9, с. 85, 86], в Комиссию Академии наук [9, с. 114] и в Каширскую воеводскую канцелярию [9, с. 160], в письмах Л. Н. Толстого в Крапивенский уездный мировой съезд [13, т. 60, с. 489, 491] и в Тульское губернское по крестьянским делам присутствие [13, т. 60, с. 491, 492], в письмах М. А. Булгакова Правительству СССР и в Коллегию ОГПУ [1, с. 287, 290], в письмах А. А. Фадеева в Управление по охране авторских прав и в редакцию международного литературного журнала «Де Ким» [14, с. 359, 562].

Заключительная формула вежливости регулирует межличностное взаимодействие, отношения между двумя конкретными людьми, поэтому вполне естественно, что в открытых письмах, адресат которых неизвестен автору заранее, а также в письмах, имеющих коллективного адресата или коллективного адресанта, она тоже подвергается редукции, как в открытом письме М. А. Булгакова, направленном во Всесоюзное общество культурной связи с заграницей для опубликования [1, с. 211–213], в обращении И. В. Сталина к членам и кандидатам Политбюро ЦК, А. А. Жданову, Н. И. Бухарину, А. И. Стецкому [11, с. 295] или в письме И. В. Сталина и В. М. Молотова Н. И. Бухарину [11, с. 111]. В то же время письмо, отправленное какой-либо организации, но адресованное конкретному лицу, несмотря на деловой характер, нередко заканчивается этикетной формулой. Скажем, в письме Л. Н. Толстого Совету общества для содействия народному образованию в Ярославской губернии присутствует как обращение: *Господин Председатель Совета*, так и заключительная формула вежливости: *С совершенным уважением остаюсь готовый к услугам* [13, т. 79, с. 89–90]. То же самое в письме М. А. Булгакова издательству «С. Фишер-Ферлаг», которое начинается обращением: *Многоуважаемый г. Марил!*, а завершается этикетным *Примите уверения в моем уважении* [1, с. 372]. Градация степени официальности общения дифференцирует не только деловую переписку, но и частные письма, причем граница между этими двумя видами посланий достаточно условна, в связи с чем выделяется значительный пласт частно-деловых писем, адресант и адресат которых – частные лица, но обсуждают деловые вопросы, связанные со своим бизнесом или профессиональной деятельностью. В письмах такого рода заключительная формула вежливости реже всего, пожалуй, подвергается редукции.

Отказ от использования общепринятых этикетных средств бывает связан не только с высокой степенью официальности письма, как это было показано выше, но и, напротив, с абсолютно неофициальным, даже интимным характером переписки, когда соблюдение требований этикета, скорее, создаёт некую нежелательную дистанцию между коммуникантами. Большая часть писем и записок Екатерины II Г. А. Потёмкину, написанных в 1774–1775 гг., то есть в разгар любовного романа между ними, не содержит ни подписи, ни этикетных формул, что, впрочем, может быть связано ещё и с конспиративными соображениями [2, с. 9–88]. Вот пример такого письма:

Голубчик, душа моя. Каков ты, пришли сказать, каков. Я домой пришла, и буде я тебе надобна, как и не сомневаюсь, то вели сказать, сударушка. Душа не на месте, что неможешь. Естли теперь мне прийти нельзя, то когда можно будет, дай знать [2, с. 48].

На выбор способа установления и прерывания вербального контакта оказывает влияние такой фактор, как эмоциональное состояние адресанта в момент написания письма. Гнев, негодование, обида и другие отрицательные эмоции, испытываемые по отношению к адресату, нередко побуждают автора письма нарушить этикетные правила, что выражается в редукции как заключительной формулы вежливости, так и инициального вокатива. Например, заключительная этикетная формула отсутствует в гневном письме М. Горького Л. Н. Толстому, в котором Горький в 1905 году выразил своё резкое несогласие с нравственно-религиозной проповедью Толстого о спасительности личного совершенствования и отказе от идеи борьбы людей за свои права, – в письме, которое, правда, так и не было доставлено адресату, ни напечатано. Полемический пафос письма достигает своего апогея в конце его, когда М. Горький, обращаясь к Л. Толстому, пишет о «хищниках и паразитах» страны:

И несколько дней они будут повторять Ваши слова, они схватятся за них, как утопающие за солому, и кинут в лицо честных и мужественных людей России тяжелые и обидные, ликующие и злорадные слова:

– Лев Толстой не с вами!

М. Горький [7, с. 282].

Любая формула вежливости в данном тексте снизила бы накал полемики, что противоречило бы коммуникативной задаче, и Горький завершает письмо только своей подписью.

Помимо разного рода нюансов, связанных с личными и социальными отношениями между участниками эпистолярной коммуникации, на характер оформления завершающей части послания влияют и ситуативные факторы, в частности такие, как недостаток времени, необходимость быстрого информирования о происходящих событиях. Многие письма Г. А. Потёмкина Екатерине II имеют характер оперативных донесений из, выражаясь современным языком, «горячих точек», в которых ему не раз приходилось оказываться. Все рамочные элементы: обращение, подпись, этикетные формулы – подвергаются редукции в письмах Потёмкина, написанных во время конфликта на границе с Китаем, столкновений между православными и униатами в пограничных с Польшей провинциях Малороссии, вооружённого нападения турок и лезгин на жителей Грузии, русско-турецкой войны и т. д. [2, с. 200–202, 294, 335–346, 362, 421 и др.]. То же самое – в письмах А. В. Суворова, которые содержат отчёты, приказы или распоряжения во время Итальянского и Швейцарского походов [12, с. 336, 340, 357], например:

Любезный мой генерал Кейм.

Я отправляюсь в Пиаченцу; иду разбить Макдональда. Возьмите скорее цитадель Туринскую, чтоб я не пел благодарственного молебна прежде Вас [12, с. 340].

Таким образом, редукция заключительной этикетной формулы письма бывает детерминирована следующими четырьмя факторами, связанными с условиями коммуникации: 1) исключительно высокий социальный статус адресанта при иерархических отношениях между участниками общения; 2) высокая степень официальности или, напротив, интимности общения; 3) неопределённость адресата; 4) эмоциональное состояние адресанта в момент написания письма. При неоднозначности, а иногда и противоречивости коммуникативно-прагматических факторов, влияющих на выбор способа «выхода» из ситуации текстового общения, отсутствие этикетных формул в конце письма может реализовать как стратегии «негативной вежливости» (вежливости дистанцирования), так и стратегии «позитивной вежливости» (вежливости сближения).

Библиографические ссылки

1. **Булгаков М. А.** Собрание сочинений : в 8 т. Т. 8: Жизнеописание в документах / сост., подготовка текста В. И. Лосева. – СПб. : Азбука-классика, 2002. – 736 с.
2. **Екатерина II и Г. А. Потемкин:** Личная переписка 1769–1791 / издание подгот. В. С. Лопатин. – М. : Наука, 1997. – 992 с.
3. **Кастлер Л.** Негативная и позитивная вежливость / Л. Кастлер // Агрессии в языке и речи. – М. : РГГУ, 2004. – С. 9–18.
4. **Кирсанова М. В.** Деловая переписка: учебно-практ. пособие / М. В. Кирсанова, Ю. М. Аксенов, Н. Н. Анодина. – 3-е изд. – М. : ИНФРА-М, 2006. – 100 с.
5. **Колтунова М. В.** Конвенции как прагматический фактор диалогического общения / М. В. Колтунова // Вопросы языкознания. – 2004. – № 6. – С. 100–115.
6. **Куварова Е. К.** Письмо как графический субститут устного сообщения / Е. К. Куварова // Ученые записки Таврич. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. – Серия «Филология. Социальные коммуникации». – Том 24 (63). № 2. Часть 3. – 2011. – С. 63–70.
7. **Переписка М. Горького** : в 2-х т. / подгот. текста и коммент. М. Семашкиной и Л. Евстигнеевой. – М. : Худож. лит., 1986. – Т. 1. – 479 с.
8. **Письма и бумаги императора Петра Великого.** – Т. 8 (июль–декабрь 1708 г.). – Вып. 1 / ред. А. И. Андреев. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1948. – 408 с.
9. **Письма русских писателей XVIII века** : сборник / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); [Отв. ред. и авт. вступит. статьи, с. 3–41, Г. П. Макогоненко]. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. – 472 с.
10. **Рогожин М. Ю.** Современное деловое письмо : пособие / М. Ю. Рогожин. – Изд. 4-е, перераб. и доп. – М. : ГроссМедиа Ферлаг: РОСБУХ, 2009. – 272 с.
11. **Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг.** / Сост. А. В. Квашонкин, Л. П. Кошелева и др. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. – 519 с.
12. **Суворов А. В.** Письма / отв. ред. А. М. Самсонов. – М. : Наука, 1986. – 808 с.
13. **Толстой Л. Н.** Полн. собр. соч. Серия третья. Письма. – Т. 60 / подгот. текста и коммент. М. А. Цявловского, О. В. Воронцовой-Вельяминовой и Н. С. Родионова. – М. : ГИХЛ, 1949. – 560 с. – Т. 79 / подгот. текста и коммент. В. С. Мишина. – М. : ГИХЛ, 1955. – 304 с.
14. **Фадеев А. А.** Собр. соч. : в 5 т. – Т. 5. Статьи, рецензии, записные книжки, письма / под ред. Е. Ф. Книпович, В. М. Озерова, К. А. Федина. – М. : ГИХЛ, 1961. – 684 с.
15. **Формановская Н. И.** Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход / Н. И. Формановская. – М. : Русский язык, 2002. – 216 с.

Надійшла до редколегії 16.02.12